

УДК 336.14

РЕЦЕССИЯ ЭКОНОМИКИ, ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ И БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА: ИЗМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ

Олег Сергеевич Сухарев,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором институционального анализа
экономической динамики,
Институт экономики Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
o_sukharev@list.ru

Предмет/тема. В статье анализируются текущие условия экономического развития России и особенности проводимой макроэкономической политики. Характерной особенностью современного этапа функционирования российской экономики выступает явление рецессии. При этом контуры макроэкономической политики, имеющей целью преодоление рецессии, по двум базовым инструментам такой политики – денежно-кредитной и бюджетной – не просматриваются. Причина состоит в том, что эти инструменты не предполагают решения задачи в такой постановке. В связи с этим необходимо определить общие проблемы применения мероприятий денежно-кредитной и бюджетной политики, сформировав направления их изменения.

Цели/задачи. Автор ставит цель – показать возможности и инструменты (направления) макроэкономической политики, позволяющие снизить глубину рецессии российской экономики и воздействовать на изменение ее структуры.

Методология. Применен метод сравнительного анализа, на основе данных официальной статистики и оценок автора, что позволяет дать качественную оценку осуществленных решений в области денежно-кредитной и бюджетной политики. Применяются данные, в частности, по динамике процента в развитых странах. Выявлены особенности динамики процента в России и развитых странах, произведен расчет средней рентабельности за десять лет по различным секторам экономики, а также осуществлена оценка изменения трудового

потенциала в этих секторах, что дает возможность продемонстрировать перелив ресурсов между секторами и показать функционирование «структурной вилки», которая тормозит развитие российской экономики, закрепляя сырьевую ориентацию.

Результаты. В статье показано, что экономика представляет собой многоцелевую систему, поэтому повышение процентных ставок негативно скажется на инвестициях и темпе экономического роста, углубляя рецессионное явление в 2015 г. Однако не только снижение процентных ставок является перспективным инструментом денежно-кредитной политики, направленной на решение задачи структурных изменений и стимулирование развития обрабатывающих секторов экономики. Денежно-кредитная и бюджетная политики должны быть согласованы для стимулирования изменений в экономической структуре.

Выводы/значимость. Сделан вывод, что существующие монетаристские клише в области денежно-кредитной политики не позволяют существенно поменять сложившуюся парадигму этого вида политики. Однако существуют подходы, которые бы могли изменить содержание денежно-кредитной политики. В качестве действенных принципов такого варианта денежно-кредитной политики обосновывается принцип «процентного портфеля» и «плохого баланса», с тем чтобы снизить величину отрыва в развитии финансов и обрабатывающих секторов экономики, поскольку организация экономического роста только на сырьевых секторах и услугах не

составляет его долгосрочной устойчивой основы. Для банков с различной структурой кредитного портфеля должны быть различные учетные ставки процента, что позволит обеспечить потребности в деньгах различных видов экономической деятельности.

Ключевые слова: рецессия, бюджетная политика, денежно-кредитная политика, структура экономики, «процентный портфель», принцип «плохого баланса»

Атрибуты экономического роста в России и рецессия экономики

Проблемы экономического роста в России и рецессии экономики, антикризисных финансово-экономических мер нашли широкое отражение в научной литературе. Ряд исследований был посвящен развитию нашей страны в условиях экономических санкций, что, помимо разрушения сложившихся хозяйственных связей, имело и некоторый положительный аспект, дав ощутимый толчок процессам импортозамещения. В целом исследователи сходятся во мнениях о том, что экономико-политические перемены носят безальтернативный характер и настоятельно требуют адекватного реагирования [2, 3, 5, 6, 9–17, 19].

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) ожидает замедления экономического роста в России в ближайшей перспективе и прогнозирует рецессию в экономике РФ в 2015 г. В сентябре 2014 г. ЕБРР ухудшил прогноз по динамике ВВП РФ в 2015 г. По оценке аналитиков ЭБРР, ожидается снижение ВВП на 0,2% вместо ожидавшегося ранее роста на 0,6%. В свою очередь Минэкономразвития России прогнозирует рост ВВП РФ в 2015 г. на 1,2%. Однако в декабре Министерство экономического развития РФ кардинально меняет прогноз на 2015 г., учитывая все открывшиеся обстоятельства¹. С ожидаемого роста в 1,2% прогнозируется спад на 0,8%. Инвестиции вместо прироста в 2% снизятся по этой оценке на 3,5%. Реальная заработная плата вместо увеличения на 0,5% должна уменьшиться почти на 4%, реальные доходы населения сократятся на 2,8% вместо ожидавшегося роста на 0,4%.

При этом прогнозируется все-таки рост промышленного производства на 1,1% вместо ожидавшегося 1,6%, причем общий спад ВВП составит примерно 0,8%. Отток капитала в 2014 г. составит примерно в 125 млрд долл. вместо прогнозировав-

¹ Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/main>.

шихся 100 млрд долл. На 2015 г. прогнозируется снижение оттока до 90 млрд долл., хотя в нынешних условиях такой отток является довольно значительным даже с поправкой на положительное сальдо торгового баланса.

Вместе с тем экономический блок Правительства РФ надеется на изменение внешней конъюнктуры, повышение цен на нефть, а со второй половины 2015 г. – на повышение инвестиционной активности вследствие политики импортозамещения на внутреннем рынке. Реальность пока не радует: динамика мировых цен на нефть не подает обнадеживающих сигналов, а политика импортозамещения встречает некоторые трудности в реализации, да и к тому же и не может дать из-за своей природы быстрых результатов. Кроме того, явление рецессии в российской экономике охватывает период с 2012 по 2014 г. и имеет явную инерцию, усиленную различными внутренними и внешними экономическими факторами (включая пресловутые санкции).

Для прогноза ЕБРР и изменения прогноза Минэкономразвития России имеются все основания. Проблема только в том, что российская экономика уже находится в рецессии, а не в стагнации, как эксперты хотят представить ситуацию уже на протяжении более года. Обратим внимание на официальные данные состояния экономики России: средний темп экономического роста в 2012 г. составил 3,4%, в 2013 г. – 1,3%, в 2014 г. – 0,7%. В I квартале 2012 г. 4,8% роста, в IV квартале того же года – 2,1%. В I квартале 2013 г. – 0,8%, в IV квартале этого же года – 2%. В I квартале 2014 г. – 0,9%, во II квартале – 0,8%, в июне – июле показатель составил –0,2%. Таким образом, с 2012 по 2014 г. идет постоянное замедление темпа роста экономики.

Рецессия – это типичное сокращение (замедление) темпа роста, а стагнация – переводится дословно как «стоячая вода», когда темп не изменяется. Стагнация охватывает обычно длинные интервалы времени, а рецессия может предполагать и небольшой спад (около полугода или чуть более того), предвеляя депрессию. При самом благоприятном сценарии структура экономики России остается неизменной, а базовые макропараметры к 2017 г. не достигают уровня 1990 г. Так, при наилучшем сценарии развития в 2017 г. реальные располагаемые доходы населения к 1990 г. составят 106,1 (т.е. в 2015 г. вряд ли будет достигнут уровень 1990 г.), производство продукции сельского хозяйства – 103,6%, инвестиции в основной капитал и промышленное производство – соответственно, 78,3 и

92,2%. Таким образом, российская экономика при благоприятном течении 2015–2017 гг. не восстанавливает своих базовых макропараметров, имевшихся четверть века назад. С одной стороны, это говорит о высокой глубине кризиса 1990-х гг., но, с другой стороны, дает почву для справедливых сомнений относительно эффективности мероприятий экономической политики, которые за такой период не обеспечили восстановления экономики в полном объеме (несмотря на «тучные годы»).

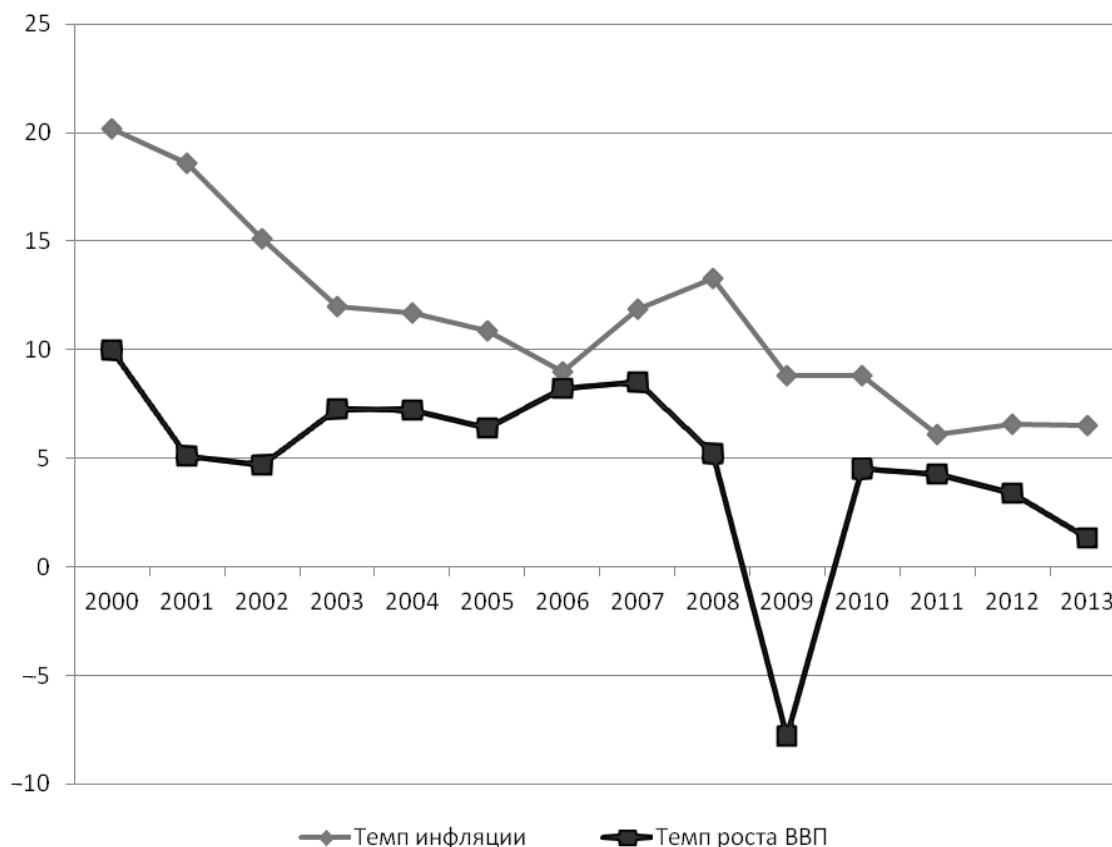
Проведенный эмпирический и факторный анализ экономического роста в России в период с 2000 по 2013 г. позволяет обозначить ряд центральных выводов по поводу закономерностей динамики развития и мер экономической политики.

Во-первых, темп роста ВВП России и темп инфляции никак не связаны. Устойчивой связи не обнаруживается, ведь $R^2 = 0,407$. Периоды, когда темп роста ВВП замедлялся, а инфляция ускорялась (2011–2014 гг.), сменяются периодами, когда темп увеличивался, а инфляция снижалась, либо снижался как темп ВВП, так и темп инфляции (в 2000–2005 гг. и в 2009 г.). Зависимость ВВП России

от инвестиций в основной капитал более существенна, чем от сбережений, но несколько меньше, нежели от величины совокупных расходов на конечное потребление (рис. 1).

При снижении темпа инвестиций до 2% темп ВВП России может опуститься ниже 1%, что и наблюдалось в 2014 г. Если прирост инвестиций станет отрицательным, то темп ВВП приблизится к нулю, а при –3,0% и выше прироста инвестиций, будет отрицательным и темп роста ВВП (–1% и выше).

Во-вторых, предельно изношенный основной капитал требует замены, причем капитал лишь в незначительной степени может быть компенсирован трудом. При этом замещение капитала трудом и обратно не имеет устойчивой закономерности ($R^2 = 0,291$). Заменить 1 ед. труда можно только 5 ед. капитала, что говорит о низкой механизации и технологичности обрабатывающих производств, низкой технологичности капитала и высоком дефиците высококвалифицированного труда (в обрабатывающих производствах). Многофакторный анализ дает такие данные (при соблюдении статистической значимости) влияние различных парамет-

Источник: официальные данные Банка России и Росстата. URL: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/MS.asp?Year=2014; URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls.

Рис. 1. Темп роста ВВП и темп инфляции в России в 2000–2013 гг., %

ров на рост ВВП России за указанный период: темп прироста денежной массы – $R^2 = 0,623$; инфляция – $R^2 = 0,467$; темп прироста среднегодовых цен на нефть Urals – $R^2 = 0,85$; темп прироста затрат государства на науку – $R^2 = 0,567$; темп прироста затрат на технологические инновации организаций – $R^2 = 0,127$. Таким образом, динамика цен на нефть и монетизация российской экономики в 2000–2013 гг. явились основными (определяющими) факторами роста ВВП. Этот рост обеспечивался сырьевым сектором и услугами. Однако нужно отметить, что с 1 января 2000 г. по 1 января 2014 г. рост денежной массы М2 к ВВП с 15 до 47% никак не был связан с инфляцией в России (рис. 2).

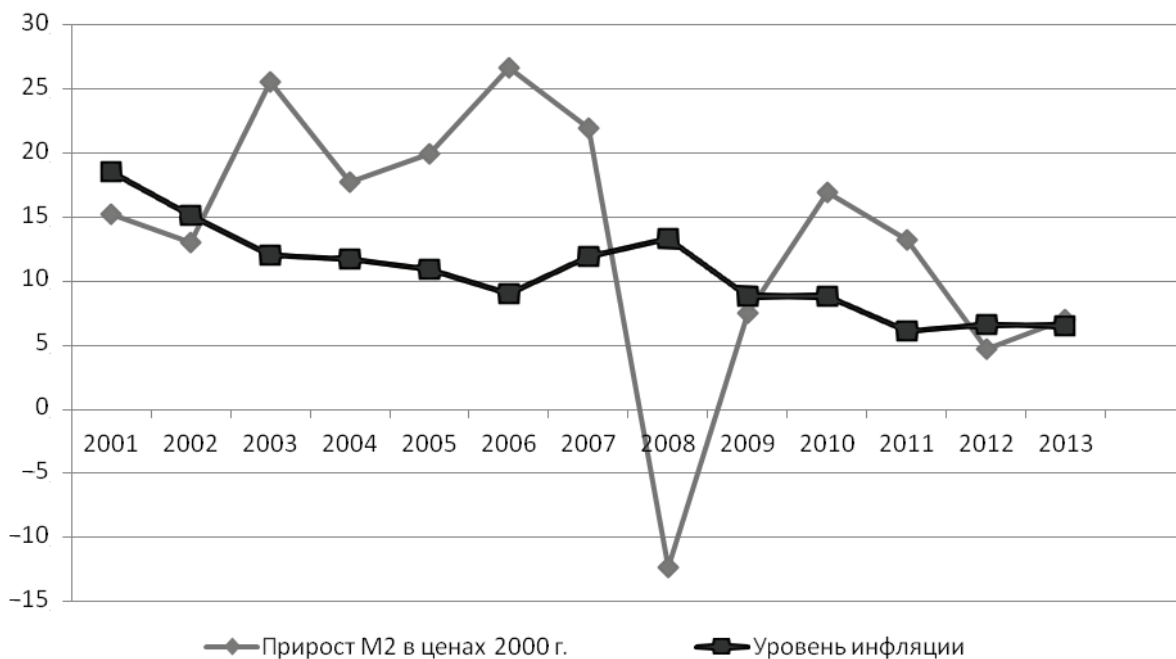
Более того, значительное влияние монетизации ВВП в период с 2000 по 2013 г. при дальнейшей монетизации в рамках сложившейся структуры российской экономики существенно ослабляет это влияние по мере увеличения денежной массы М2/ВВП до 70–80%. Четко выделяются периоды, когда денежное предложение увеличивается, а инфляция снижается (2004–2006 гг. и 2009–2010 гг.), прирост М2 снижается, а инфляция увеличивается (2006–2008 гг. и 2010–2014 гг.) (рис. 2). Закономерности воздействия изменения прироста денежной массы через лаги не просматриваются.

В-третьих, процентная ставка Банка России была в 8–10 раз выше (2004 г.) и в 30–40 раз выше

(2011–2013 гг.) ставки Федеральной резервной системы США и Европейского центрального банка (рис. 3).

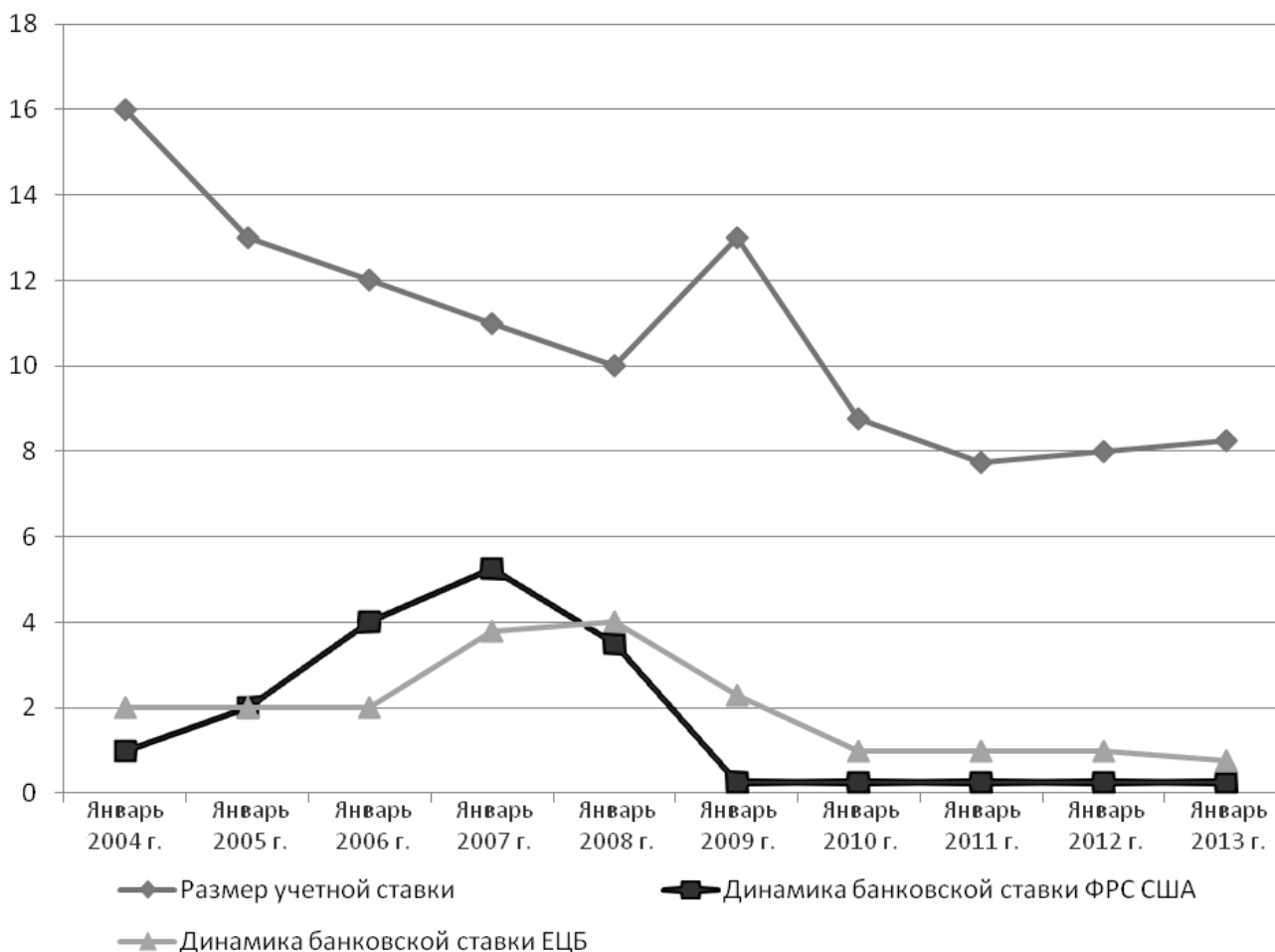
Интересно отметить, что периоды снижения процентной ставки в России сопровождаются повышением процентной ставки в западных странах, и, наоборот, при этом соотношение ставок отличается в разы. Очевидно, прослеживаются два важных свойства:

- 1) формируется валютно-процентный рычаг перекачки ресурсов из России на Запад (большая привлекательность объектов вложения на Западе и уход нажитых сомнительным путем капиталов, высокая ставка процента внутри страны не останавливает капитала, величина его оттока очень значительная. Однако кредиты берутся на Западе, поскольку процент там низкий, а затем вовлекаются в спекулятивную игру под высокий процент в России. Тем самым значительно увеличивается внешний частный долг (с 432 млрд долл. в 2010 г. до примерно 740 млрд долл. в 2014 г.);
- 2) высокий процент не привлекает капитала в Россию, особенно в обрабатывающие производства из-за высокого риска, низкой привлекательности и высокой мотивации сыграть на большой разнице процентных ставок за короткий срок. Таким образом, формируется зависимость российской экономики от внеш-

Источник: официальные данные Банка России и Росстата. URL: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/MS.asp?Year=2014; URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls.

Рис. 2. Динамика прироста денежной массы М2 и темп инфляции в России в 2001–2013 гг., %

Источник: официальные данные Банка России и Росстата. URL: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/MS.asp?Year=2014; URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls.

Рис. 3. Динамика процентной ставки Банка России, Федеральной резервной системы США и Европейского центрального банка, % годовых

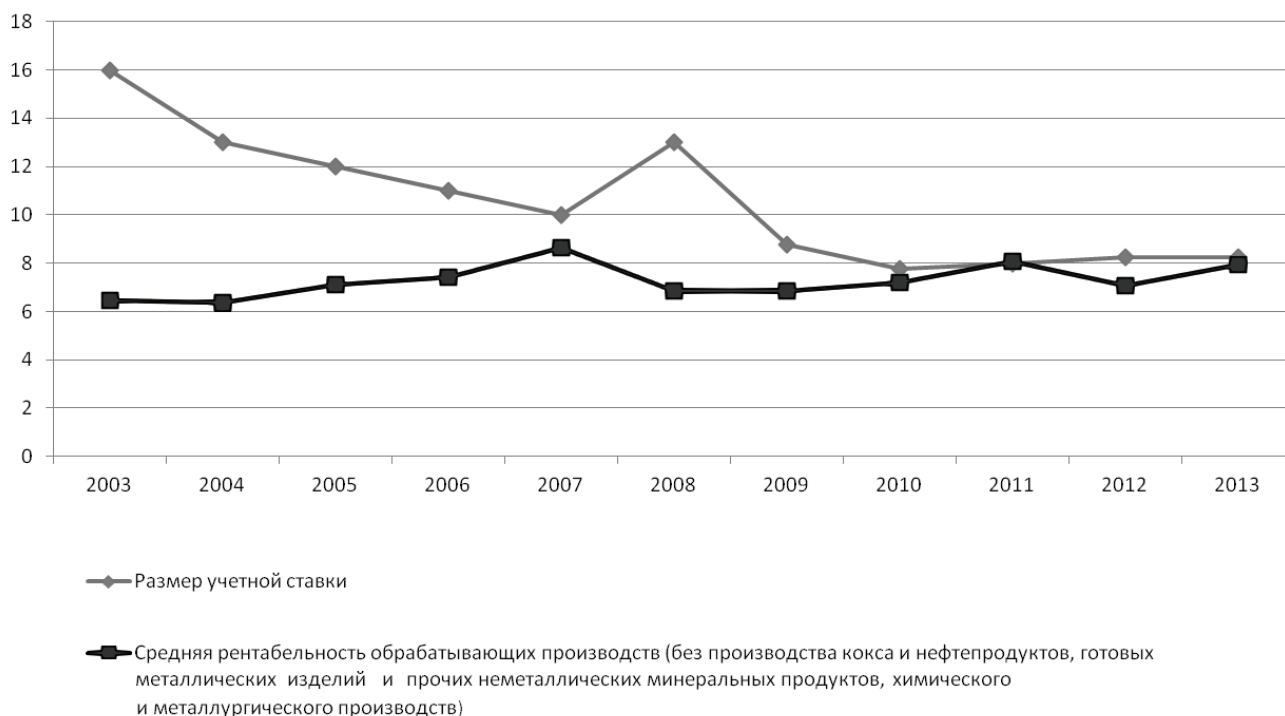
него капитала при блокировании создания и наращивания отечественного капитала, даже при прямой потере национального капитала. Тем самым консервируется крайне неэффективная структура российской экономики.

Основу этой неэффективной структуры составляет соотношение между снижающейся средней рентабельностью по обрабатывающим секторам за 10 лет и ставкой процента (рис. 4). Возникают 2 группы секторов в российской экономике: *первая* – с высокой рентабельностью, обладающая собственными средствами для развития плюс имеющая доступ к кредитным ресурсам (в силу приемлемого соотношения между процентом за кредит и рентабельностью, а также имеющая возможность демпфировать риски); *вторая* группа секторов – с низкой рентабельностью, имеющая скудные собственные ресурсы развития и не имеющая доступа к кредитным ресурсам в силу соотношения процента

за кредит и рентабельности (при высоком риске и отсутствии методов демпфирования рисков).

Таким образом, *первая* группа секторов (финансовые и банковские услуги, сырьевые сектора) получает избыточный объем финансовых ресурсов при высокой ставке процента, вовлечена в спекулятивную игру (сам производимый продукт обладает спекулятивной составляющей), укрепляет свои позиции в экономике. *Вторая* группа (обрабатывающие секторы) находится в стагнации и свертывает многие виды деятельности, не располагая даже минимальным объемом финансовых ресурсов для необходимого развития.

Нужно отметить, что наблюдается также увеличение темпа инфляции в России. Так, в 2012 г. средний показатель инфляции – 5,1%, в 2013 г. – 6,8%, в 2014 г. – от 7,1% до 8,5%. Поэтому налицо не просто рецессия, а вырисовывающаяся все четче стагфляция, когда рост инфляции сопровождается

Источник: официальные данные Банка России и Росстата. URL: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/MS.asp?Year=2014; URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab1.xls.

Рис. 4. Рентабельность обрабатывающего сектора и учетная ставка, % годовых

понижительной динамикой ВВП. Причиной ускорения инфляции является не только девальвация, но и затратные механизмы в экономике, возможно и «санкционное» влияние на экономику. Таким образом, при замедлении темпа развития, свертывании отдельных производств и росте безработицы (пока незначительном, в виде десятых долей, без оценки скрытой безработицы), при росте инфляции имеет место типичная стагфляция. Но бюджет на 2015–2017 гг. как будто находится в стороне от этих процессов. Поразительно, но факт: планируемый рост инфляции на 2015 г. – примерно 6,5% с дальнейшим снижением до 5–5,5%, и даже до 4,5% в последующие годы. При сохранении «антиинфляционной» политики Банка России, являющейся в действительности проинфляционной, такой результат просто невозможен.

Банк России повышает цену за кредит. При этом неявно полагается, что, увеличив одну из цен, тем самым будет снижен темп инфляции. Надежда на такой исход связана с тем, что повышенная цена за кредит ограничивает кредит, тем самым подчеркивается, что через процентную ставку подавляется инфляция, ограничивая доступ к деньгам в экономике, делая эти деньги дорогими (что вписывается в рамки «монетаристской парадигмы»). Этот подход

уменьшает объем денег в экономике и реальном секторе. Однако причина российской инфляции – совсем не избыточное количество денег, т.е. причина не имеет монетарного характера, что требовало бы ограничивать именно деньги, повышая процент.

Зададимся вопросом: что делали западные страны в период кризиса 2007–2009 гг.? Они снижали процентную ставку почти до нуля, при том, что инфляция составляла 3,4–5%. Реальная ставка процента, по существу, была отрицательной. В силу этого правительства поддерживали банковскую систему, не повышая ставки процента. Даже если ее увеличивали, то незначительно. Конечно, когда ставка была 0,2–0,3%, ее увеличили до 1%, казалось бы, почти в 5 раз. Однако сама по себе ставка все равно была низкой, а рентабельность обрабатывающих секторов составляла 8–10%, иногда до 15%.

Российская банковская система имеет в активах 55–60 трлн руб., но инвестирует всего лишь 1 трлн руб. В связи с чем совершенно проблематично осуществлять поддержку банковской системы. Ведь по существу не применяются те инструменты, которые имеют антиреcessionную направленность.

Недостаток инвестиционных расходов выступает одним из определяющих факторов замедления экономического роста в России. Норма накопления

довольна низка. Инвестиции составляют всего 19% ВВП. У развитых стран норма накопления доходит до 30%, иногда до 32–35%. Инвестиции в новые фонды, технологии формируют эту норму. Как же с высоким износом российских фондов нарастить новые фонды, как поднять норму накопления? Если все закупить по импорту, то возникнет привязка на уровне комплектующих от иностранных поставщиков. Создание новых фондов с использованием старого основного капитала ограничивает возможности быстрого развития, тем более, когда существуют технологические разрывы, затрудняющие развертывание серийных производств. Выходом могут стать государственные инвестиции, осуществляемые по разным направлениям (в частности в государственном секторе).

Здесь закономерно возникает проблема распределения бюджетных инвестиций. «Проектный подход» оказывается не самым эффективным способом определения бюджетных расходов, поскольку текущее состояние объекта может резко понизить эффективность использования выделенных финансовых ресурсов. Отбор отдельных инвестиционных проектов на финансирование является низкопродуктивным, ведь проект (и процедуры его подготовки) может создавать ожидания хороших перспектив его реализации, однако в процессе реализации потерпеть фиаско. Возможна и другая ситуация – проект в процессе реализации оправдывает позитивные ожидания, но их не оправдывает предприятие в целом, у которого этот проект не является единственным и которое становится, например, банкротом, в то время как уже получило и израсходовало определенную часть причитающихся по данному проекту финансовых средств. Именно поэтому инвестиционная программа предприятия подлежит рассмотрению целиком, осуществление ее кардинальным образом способно изменить параметры эффективности его хозяйственной деятельности.

Если имеется N фирм (инвестиционных программ), каждая программа состоит из n проектов, каждый из которых в год t (инвестиционная программа рассчитана на срок T) характеризуется определенным коэффициентом отдачи на совершенные затраты, то ищется средний коэффициент отдачи по всей инвестиционной программе за каждый год, по всем предприятиям, претендующим на выделение финансовых ресурсов. Далее производится портфельный анализ инвестиционных программ, вошедших в портфель предприятий. Полученная структура портфеля для данного ожидаемого совокупного дохода от реализации портфеля сопоставляется с

требуемыми величинами инвестиционных средств на каждую программу. Если полученная величина инвестиций на программу больше требуемой, то имеется избыток средств, который необходимо использовать альтернативно. Если же полученное значение инвестиций меньше требуемой суммы, тогда конкретная программа не проходит данного теста, но некоторые ее проекты вполне могут быть профинансированы. Требуется сопоставить сумму инвестиционных затрат на проект с полученной суммой возможных инвестиций, при этом проходит проект, покрывающий эту сумму.

Возможно использовать такой портфельный анализ и отдельных проектов, когда имеется отчетливая зависимость между величиной единовременных затрат, объемом производства, который полностью потребляется рынком, величиной условно постоянных затрат, переменных затрат. То есть предполагается, что с уменьшением (увеличением) величины инвестиций будет уменьшаться (или увеличиваться) объем производимой продукции, потребляемой рынком. Для России и ее государственного бюджета в приоритете должно быть финансирование серийных производств высокой добавленной стоимости с высоким коэффициентом локализации в обрабатывающих секторах, имеющих перспективу для внутреннего и внешнего рынков (с финансированием международной патентной защиты).

Бюджетная и денежно-кредитная политика: возможная коррекция

Увеличение государственных инвестиций предполагает изменение соответствующих акцентов бюджетной политики и даже бюджетного планирования (бюджетного устройства). Это необходимо для решения задач индустриализации экономики и преодоления сырьевой зависимости. Данное условие становится принципиально важным, поскольку при множественных коррекциях бюджетного процесса, предложений по изменению Закона о бюджете РФ, улучшению контроля, все же общая и главная парадигма бюджетной политики остается по сути неизменной более двух десятилетий, предполагая лишь косметические изменения [1, 4, 7, 8, 18, 20]. Это находит отражение в следующих 3 базовых позициях:

- 1) приводимые Правительством РФ принципы формирования бюджета справедливы, однако расходы бюджета детерминируются фискальными ограничениями, а распределение расходов

– социально-экономическим эффектом, причем он, видимо, связан с этими фискальными ограничениями, причем ими же и будет определяться, что в общей постановке бюджетных задач не учитывается. Таким образом, бюджетная логика не превосходит этих фискальных ограничений, которые динамически изменчивы, но в значительной части определяются стереотипными установками самого правительства. Важно исходить из необходимости преодоления этих фискальных ограничений, выяснения их природы в экономике (включая нормативную) и связи бюджетных назначений с главными целями развития страны. Так называемое контрциклическое регулирование привязывается к колебаниям цены на нефть (по сути к циклической динамике) и к внутренним процессам экономического развития России не имеет отношения;

- 2) сохраняется сугубо «монетаристский подход», сводимый к необходимости обеспечения бездефицитности бюджета и к формированию расходов бюджета по доходам и по расширению налогооблагаемой базы. При этом основная идея достижения макроэкономической стабильности и сбалансированности бюджета предопределяет все решения и возможности бюджетных расходов, не считаясь с состоянием конкретных, финансируемых из бюджета подсистем экономики. Однако подобный подход приводит к тому, что отсутствует экономический анализ того, насколько бюджет государства выполняет монетизирующую функцию (даже при наличии введенного бюджетного правила, которое никак не влияет на исполнение этой центральной функции бюджета). Влияние на экономику денежно-кредитной и бюджетной политик состоит в монетизации соответствующих субъектов хозяйственной деятельности, только каналы этой монетизации и мультиплицирующий эффект – различные;
- 3) стратегия реализации бюджетной политики предполагает определение направлений расходов, что подкрепляется нормативно: диверсификация экономики и ее модернизация, социальные обязательства и качество госуслуг, обновление инфраструктуры (укрупненные разделы-направления приоритетных бюджетных расходов). Против таких общих разделов невозможно возразить. Однако что стоит за этими позициями, что «внутри» каждой из них – это принципиальный вопрос, который требуется

раскрыть точно в рамках конкретизации мер бюджетной политики и определения размера бюджетных назначений (структуры бюджета).

Таким образом, развитие бюджетной политики, на взгляд автора, должно осуществляться в рамках шкалы «потребности – возможности – результаты», а не только по результатам. Управление дефицитом должно быть привязано к этой же схеме, поскольку выделять финансы в щадящем режиме, с подчинением цели бездефицитности и макроэкономической стабильности, может означать лишь консервацию отсталости, что снижает эффективность результатов по бюджетным назначениям в будущем. Для этого важно учитывать потребность в развитии объекта и возможность такового у получателя бюджетных средств. Безусловно, результаты следует оценивать с использованием методик бюджетной эффективности, учитывая и социальную, и экономическую (экологическую) эффективность, представляя эффективность как динамически изменяющийся параметр, когда деятельность, неэффективная сегодня, может стать эффективной завтра, иногда даже без дополнительных ресурсов. Конечно, такие эффекты трудно учесть. Однако бюджетное планирование должно становиться как можно более долгосрочным, чтобы продуктивно использовать такие эффекты.

Бюджетные возможности всегда определяются текущим состоянием экономики, в частности налоговой системой (институты налогообложения). Если имеющиеся активы, секторы, виды экономической деятельности могут принести некоторый доход D , то только часть его может быть аккумулирована в бюджете и использована для расходов по различным направлениям (в целях объекта экономической системы).

Таким образом, структуризация расходов бюджета, подходов к регулированию и управлению в государственном секторе и представляет собой существо бюджетной политики, в конечном счете определяя ее эффективность. Мультипликация расходов по разным направлениям бюджета может быть различна. Это и создает необходимость не только определения «правильной» структуры бюджета, но и обоснование этой структуры величиной мультипликатора и социальной значимостью предпринимаемых расходов, а также обеспечением эффективного контроля за расходованием бюджетных средств и санкций за нарушения бюджетной дисциплины.

Конечно, повышение эффективности управления бюджетом и оптимизация контрольных функций государства полезны, но напрямую это не связано с

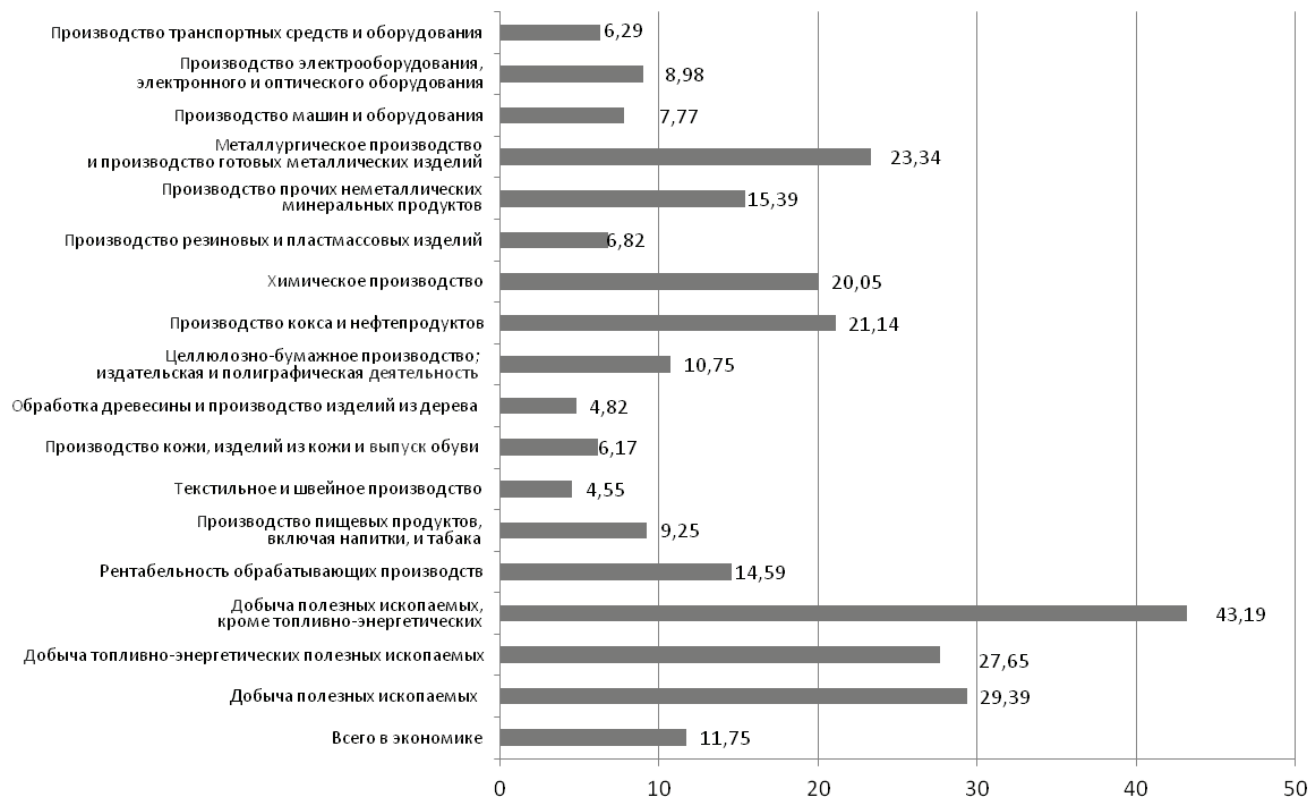
экономическими изменениями и возникшей рецессией, причины которой сосредоточены в структуре российской экономики, неверном стимулировании экономического роста, выборе его факторов после девальвации конца 1990-х гг. Повысить влияние бюджетной политики на развитие российской экономики можно за счет изменения идейной основы формирования бюджета и структуры его расходов. По существу решение такой задачи сведется не только к обоснованию наиболее приемлемой (исходя из приоритетов) структуры расходов, но и к тому, чем обеспечивать эти расходы (только лишь доходами, и если так, то какими именно). Понадобится оптимизация налоговой системы, исследование чувствительности ВВП к различным ставкам налогов и всей налоговой структуре. Но нужна также будет и оценка чувствительности динамики ВВП к тем финансовым ресурсам, которые накоплены в соответствующих фондах и в определенном объеме могут быть задействованы по направлениям расходования. Разумеется, от выбора направлений расходования финансов будет зависеть эффективность их использования, которую необходимо будет оценивать интервалом, превышающим годовой и,

вероятно, по отдельным направлениям и 3-летний (и даже 5-летний) бюджет.

Текущее формирование таких видов политики как денежно-кредитная и бюджетная, которые должны быть согласованы между собой, предполагает следующую логическую последовательность этапов:

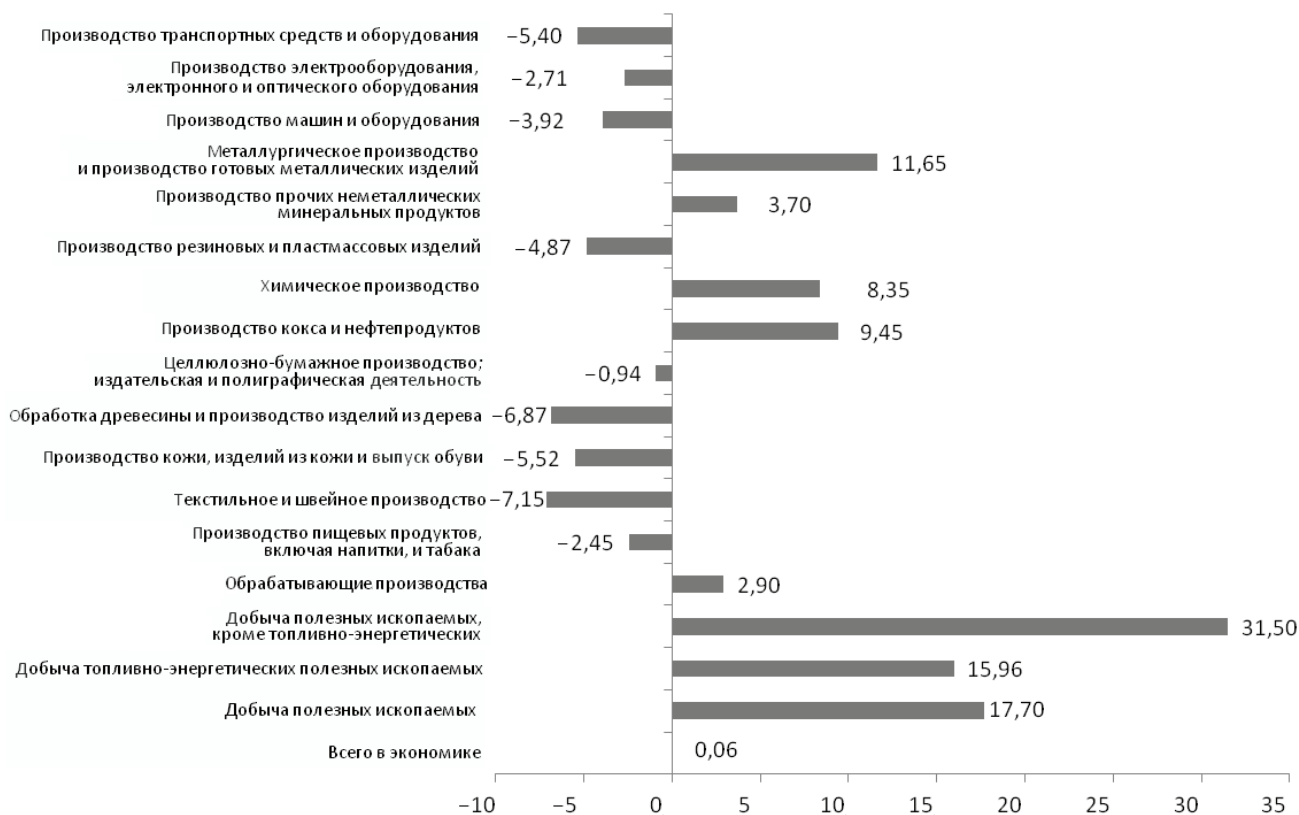
- 1) данные виды политики должны противодействовать дальнейшему снижению темпа экономического роста (исключить отрицательную область ВВП – спад);
- 2) меры, предлагаемые видами политики, должны обеспечить увеличение темпа экономического роста, воздействуя на экономическую структуру и изменяя ее.

Приведем ряд важных данных, подтверждающих псевдоуспешное функционирование сложившейся неэффективной структуры российской экономики, которая формируется и укрепляется по причине неадекватной задачам развития экономики денежно-кредитной политики (высокой процентной ставки). Данные по рентабельности по видам экономической деятельности, в том числе с учетом инфляции, а также по переливу трудового ресурса между секторами экономики представим наглядно (рис. 5, 6; табл. 1, 2).

Источник: рассчитано автором по данным: сборники Федеральной службы государственной статистики по всем видам экономической деятельности за 2005–2013 гг. М.: Росстат, 2010, 2011, 2012, 2013.

Рис. 5. Рентабельность в различных видах экономической деятельности России в 2000–2013 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным: сборники Федеральной службы государственной статистики по всем видам экономической деятельности за 2005–2013 гг. М.: Росстат, 2010, 2011, 2012, 2013.

Рис. 6. Рентабельность продукции с учетом индекса цен производителей промышленных товаров в 2000–2013 гг., %

Как видим из анализа данных рис. 5 и 6, подтверждается вывод о формировании неэффективной структуры, когда обрабатывающие сектора обнаруживают отрицательную рентабельность и функционируют на грани убыточности/безубыточности.

Наличие обозначенного структурного перекоса по линии «процент – рентабельность – риск» подтверждается и количественной оценкой изменения среднегодовой численности занятых в этих же секторах экономики за 2013 г. по отношению к уровню 2005 г. (т.е. за 8 лет). Перелив кадров подтверждает укрепление сырьевых секторов, финансовых секторов и сферы услуг за счет обеднения обрабатывающих секторов экономики (табл. 1 и 2). Так, в табл. 2 показано изменение численности занятых лиц по секторам внутри промышленности, что также подтверждает утяжеление структуры промышленности, вызванное переливом труда в сырьевые секторы и секторы, обеспечивающие создание продукта с невысокой добавленной стоимостью. Чтобы изменить доктрину денежно-кредитной политики, необходимо, на взгляд автора, привязать задачи этой политики к решению проблем обрабатывающих

секторов. Такие цели, например, провозглашены в работе Банка Японии, также они имеются у финансовых регуляторов и в ряде других стран.

Денежно-кредитная политика должна быть подчинена целям развития экономики и ее структуры. Финансы и денежная система не могут эффективно функционировать в отрыве от задач развития различных видов экономической деятельности. Исходя из этой основополагающей установки, предложим 2 принципа формирования денежно-кредитной политики при должной согласованности ее с бюджетной политикой.

Принцип «процентного портфеля». В связи с тем, что одни секторы экономики нуждаются в некий начальный момент времени T в разном объеме денег – секторы с высокой рентабельностью имеют собственные средства для развития и им достаточно величина денег M_1 в единицу времени, а секторы с относительно более низкой рентабельностью нуждаются в объеме M_2 , но не получают этого объема благодаря сложившемуся и зафиксированному неэффективному структурному соотношению по линии «процент – рентабельность – риск».

Таблица 1

**Среднегодовая численность занятых
в экономике по видам
экономической деятельности**

Показатель	2013 г. к 2005 г.
Среднегодовая численность занятых в экономике, всего	0
В том числе по видам экономической деятельности:	
– сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-1,8
– рыболовство, рыбоводство	0
– добыча полезных ископаемых	0
– обрабатывающие производства	-2,5
– производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0
– строительство	1
– оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,7
– гостиницы и рестораны	0,2
– транспорт и связь	0
из них связь	-0,1
– финансовая деятельность	0,6
– операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,2
– государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,3
– образование	-0,7
– здравоохранение и предоставление социальных услуг	-0,1
– предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,1

Источник: рассчитано автором по данным: сборник Федеральной службы государственной статистики по всем видам экономической деятельности за 2005–2013 гг. М.: Росстат, 2010, 2011, 2012, 2013.

Таблица 2

**Среднегодовая численность занятых
в промышленности
в Российской Федерации в 2005–2012 гг.**

Показатель	2012 г. к 2005 г.
Добыча полезных ископаемых	1,02
В том числе:	
– добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	0,68
– добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	0,34
Обрабатывающие производства	-3,61
В том числе:	
– производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	0,36

Окончание табл. 2

Показатель	2012 г. к 2005 г.
– текстильное и швейное производство	-1,17
– производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	-0,05
– обработка древесины и производство изделий из дерева	-0,46
– целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	-0,05
– производство кокса и нефтепродуктов	-0,06
– химическое производство	-0,72
– производство резиновых и пластмассовых изделий	0,29
– производство прочих неметаллических минеральных продуктов	0,06
– металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	-0,29
– производство машин и оборудования	-1,88
– производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	0,17
– производство транспортных средств и оборудования	0,28
Прочие производства	0,21
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,58

Источник: рассчитано автором по данным: сборник Федеральной службы государственной статистики по всем видам экономической деятельности за 2005–2013 гг. М.: Росстат, 2010, 2011, 2012, 2013.

Поэтому необходимо, исходя из средней рентабельности различных секторов экономики (за 10 лет, например), установить процентный портфель, т.е. процентные ставки по кредиту для каждого сектора избирательно в зависимости от задач развития тех видов деятельности, которые необходимы для экономики.

Принцип «плохого баланса» банковской системы. Кредитный портфель банка можно представить состоящим из 4 блоков: 1) финансово-банковские операции; 2) сырьевой сектор; 3) коммерческо-торговые операции; 4) реальный сектор. Плохим можно считать баланс портфеля, когда 4-я компонента незначительна, а первые три, особенно 2-я и 3-я, – доминируют по своей доле. Исправить «плохой баланс» возможно, установив своеобразную шкалу ставок за кредит сырьевым секторам, скажем $b\%$, если их доля в кредитном портфеле данного банка превышает $x\%$, а для реальных секторов – $a\%$. То есть необходима шкала учетных ставок для банков в зависимости от их кредитного портфеля, его структуры, что обеспечит управление

переливом капитала. Конечно, иные действия, такие как направленность на общее снижение процента, предотвращение оттока капитала и деофшоризация экономики, остаются необходимыми мерами. Их невозможно снять с повестки дня.

Таким образом, формируется инструмент, который позволяет посредством денежно-кредитной политики, ее диверсификации и инструментализации управлять движением денег (наравне с бюджетной политикой, управляющей финансовыми ресурсами в экономике). Создается мотивация для банковской системы в работе с обрабатывающим сектором и кредитовании его, поскольку иначе процентная ставка для банков с «плохим балансом» будет очень высокой. Секторы экономики имеют разную потребность в деньгах и разную исходную эффективность, поэтому невозможно применять один процент по кредиту для видов деятельности, находящихся в неравных условиях изначально. Переливом капитала необходимо управлять, причем такой инструмент представляется одним из возможных способом подобного управления.

Однако следует отметить, что основной вопрос остается открытым: возможно ли обеспечить запуск новых факторов экономического роста только методами монетизации экономики? Возможен ли процесс исключительно за счет изменения и синхронизации денежно-кредитной и бюджетной политики? Учитывая состояние институтов и структуры, видимо, различные виды политики должны быть согласованы и направлены на решение задачи изменения структурного качества экономического роста. Один из возможных шагов преодоления рецессии и организации нового экономического роста предложен в проведенном исследовании.

Список литературы

1. Волков И.И. Метод эмпирической оценки взаимодействия денежно-кредитной и бюджетной политики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 31. С. 47–52.
2. Гостева Н.А., Вялкин А.Г. Антикризисные финансово-экономические меры: лучшие зарубежные практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 3. С. 24–31.
3. Дудин М.Н., Лясников Н.В. Развитие экономики России в условиях экономических санкций: национальные интересы и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 43. С. 2–11.
4. Зиганишина Л.А. О результативности и эффективности расходов бюджетов на социальную политику // Финансы и кредит. 2011. № 26. С. 57–65.
5. Мартынов А.В. О безальтернативности экономико-политических перемен // Финансы и кредит. 2014. № 42. С. 27–33.
6. Неволин И.В., Хрусталёв О.Е., Хрусталёв Ю.Е. Методология оценки финансовой значимости и реализуемости инновационных проектов создания интеллектуальной продукции // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 11. С. 39–45.
7. Пронина Л.И. Федеральный бюджет на 2014–2016 годы: очаги напряжения и пути их «погашения» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7. С. 18–26.
8. Пронина Л.И. Совершенствование местного самоуправления: усиление роли субъектов Федерации, финансовая помощь муниципальным образованиям (имущественные отношения) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 29. С. 2–13.
9. Сухарев О.С. Структурные проблемы экономики России. М.: Финансы и статистика, 2010. 192 с.
10. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2014. 464 с.
11. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики. 2-е изд., испр. М.: Курс, ИНФРА-М, 2014. 368 с.
12. Сухарев О.С. Стратегия развития науки, образования и производства. М.: ЛЕНАНД, 2014. 144 с.
13. Сухарев О.С. Теория дисфункции экономических систем и институтов. М.: ЛЕНАНД, 2014. 144 с.
14. Сухарев О.С. Для успешной реиндустриализации нужна другая система управления // Промышленно-строительное обозрение. 2014. № 3. С. 17–21.
15. Хрусталёв О.Е., Хрусталёв Ю.Е. Методологические основы реструктуризации наукоемкого производственного комплекса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 40. С. 25–31.
16. Хрусталёв Е.Ю., Хрусталёв О.Е. Финансово-промышленные группы: методология и модели формирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 43. С. 2–9.
17. Хрусталёв Е.Ю., Хрусталёв О.Е. Модельное обоснование инновационного развития наукоемкого сектора российской экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 9. С. 2–13.

18. Хрусталёв Е.Ю., Хрусталёв О.Е. Финансовая устойчивость наукоемкого предприятия как фактор оценки реализуемости инновационного проекта // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 33. С. 16–23.

19. Цветков К.Л. Динамика современной рецессии // Финансы и кредит. 2009. № 14. С. 12–14.

20. Шап Н.Н., Бородин А.И., Тамуев А.А. Проблемы перехода на программный бюджет: новые вызовы бюджетной политике России // Финансы и кредит. 2014. № 14. С. 2–10.

National Interests: Priorities and Security

ISSN 2311-875X (Online)

ISSN 2073-2872 (Print)

Priorities of Russia

ECONOMIC RECESSION, MONETARY AND BUDGETARY POLICIES: CHANGES IN THE DOCTRINE

Oleg S. SUKHAREV

Abstract

Importance The article overviews the current circumstances of Russia's economic development and the specifics of the macroeconomic policy. The research determines general issues of monetary and fiscal activities and budgetary policies and formulates trends for their modification.

Objectives The research pursues examining opportunities and tools (areas) of the macroeconomic policy that would alleviate the recession in the Russian economy and address changes in its structure.

Methods The research draws upon a comparative analysis, official statistical data and my judgments, thus providing a qualitative evaluation of solutions made in the monetary, fiscal and budgetary policy. I apply data on trends in interest rates in the developed countries. The research identifies the specifics of interest rate dynamics in Russian and foreign countries, calculates the average profitability for a decade in various industries. I also evaluate changes in human resources of the sectors, thus demonstrating how human resources migrate among the sectors, *structural triangle* works impeding the development of the Russian economy and keeping the focus on trade in raw materials.

Results The article highlights that economy represents a multi-purpose system. That is why an increase in interest rates will affect investment and economic growth rate, thus aggravating the recession in 2015. The monetary, fiscal and budgetary policies should be coherent and coordinated in order to stimulate changes in economic structure.

Conclusions and Relevance I conclude that the existing monetary clichés in the monetary and fiscal policy preclude significant changes in the existing paradigm of the

policy. However, there are approaches that could alter the content of the monetary and fiscal policy. In this article, I substantiate the principle of *interest rate portfolio* and *bad balance sheet* as effective principles of the monetary and fiscal policies. Banks with different loan portfolio structure should have different interest rates so to meet financial needs of various economic activities.

Keywords: recession, budgetary policy, monetary, fiscal policy, structure, economy, interest rate portfolio, bad balance sheet, principle

References

1. Volkov I.I. Metod empiricheskoi otsenki vzaimodeistviya denezhno-kreditnoi i byudzhetoj politiki [A method of empirical evaluation of interaction between the monetary and budgetary policy]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2014, no. 31, pp. 47–52.

2. Gosteva N.A., Vyalkin A.G. Antikrizisnye finansovo-ekonomicheskie mery: luchshie zarubezhnye praktiki [Anti-crisis financial and economic remedies: the best foreign practices]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2013, no. 3, pp. 24–31.

3. Dudin M.N., Lyasnikov N.V. Razvitie ekonomiki Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsii: natsional'nye interesy i bezopasnost' [Development of the Russian economy under economic sanctions: national interests and security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2014, no. 43, pp. 2–11.

4. Ziganshina L.A. O rezul'tativnosti i effektivnosti raskhodov byudzhetoj na sotsial'nyu politiku [On

effectiveness and efficiency of budget expenditures for the social policy]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2011, no. 26, pp. 57–65.

5. Martynov A.V. O bezal'ternativnosti ekonomiko-politicheskikh peremen [On absence of alternatives to economic and political changes]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2014, no. 42, pp. 27–33.

6. Nevolin I.V., Khrustalev O.E., Khrustalev Yu.E. Metodologiya otsenki finansovoi znachimosti i realizuemosti innovatsionnykh proektov sozdaniya intellektual'noi produktsii [A methodology for assessing the financial significance and feasibility of innovative projects for creating intellectual products]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2013, no. 11, pp. 39–45.

7. Pronina L.I. Federal'nyi byudzhets na 2014–2016 gody: ochagi napryazheniya i puti ikh 'pogasheniya' [The 2014–2016 Federal budget: sources of tensions and ways of resolving them]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2014, no. 7, pp. 18–26.

8. Pronina L.I. Sovershenstvovanie mestnogo samoupravleniya: usilenie roli sub'ektov Federatsii, finansovaya pomoshch' munitsipal'nym obrazovaniyam (imushchestvennye otnosheniya) [Improving local administration: strengthening the role of regions of the Russian Federation, financial assistance to municipalities (property relations)]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2014, no. 29, pp. 2–13.

9. Sukharev O.S. *Strukturnye problemy ekonomiki Rossii* [Structural problems of the Russian economy]. Moscow, *Finansy i statistika Publ.*, 2010, 192 p.

10. Sukharev O.S. *Ekonomicheskii rost, instituty i tekhnologii* [Economic growth, institutions and technologies]. Moscow, *Finansy i statistika Publ.*, 2014, 464 p.

11. Sukharev O.S. *Teoriya effektivnosti ekonomiki* [The theory of economic efficiency]. Moscow, *Kurs, INFRA-M Publ.*, 2014, 368 p.

12. Sukharev O.S. *Strategiya razvitiya nauki, obrazovaniya i proizvodstva* [The strategy for developing science, education and production]. Moscow, *LENAND Publ.*, 2014, 144 p.

13. Sukharev O.S. *Teoriya disfunktsii ekonomicheskikh sistem i institutov* [The theory of malfunction of economic systems and institutions]. Moscow, *LENAND Publ.*, 2014, 144 p.

14. Sukharev O.S. Dlya uspeshnoi reindustrializatsii nuzhna drugaya sistema upravleniya [Successful reindustrialization needs another management system]. *Promyshlenno-stroitel'noe obozrenie = Industrial Construction Review*, 2014, no. 3, pp. 17–21.

15. Khrustalev O.E., Khrustalev Yu.E. Metodologicheskie osnovy restrukturizatsii naukoemkogo proizvodstvennogo kompleksa [Methodological fundamentals of restructuring the high-tech manufacturing sector]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2013, no. 40, pp. 25–31.

16. Khrustalev E.Yu., Khrustalev O.E. Finansovopromyshlennye gruppy: metodologiya i modeli formirovaniya [Financial and industrial groups: a methodology and models of formation]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2011, no. 43, pp. 2–9.

17. Khrustalev E.Yu., Khrustalev O.E. Model'noe obosnovanie innovatsionnogo razvitiya naukoemkogo sektora rossiiskoi ekonomiki [The rationale model for innovative development of the high-tech sector of the Russian economy]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2013, no. 9, pp. 2–13.

18. Khrustalev E.Yu., Khrustalev O.E. Finansovaya ustoichivost' naukoemkogo predpriyatiya kak faktor otsenki realizuemosti innovatsionnogo proekta [Financial sustainability of the high-tech enterprise as a factor for assessing the innovative project feasibility]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2013, no. 33, pp. 16–23.

19. Tsvetkov K.L. Dinamika sovremennoi retsessii [The modern recession dynamics]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2009, no. 14, pp. 12–14.

20. Shash N.N., Borodin A.I., Tatuev A.A. Problemy perekhoda na programmnyi byudzhets: novye vyzovy byudzhetsnoi politike Rossii [Problems of transition to the program budget: new challenges to the budgetary policy of Russia]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2014, no. 14, pp. 2–10.

Oleg S. SUKHAREV

Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
o_sukharev@list.ru